

чно прибывает в Ворё и беседует со старым шахтером. Как и Паньоль, я отдавал предпочтение эмоциям. Я беспощадно вырезал не только из сценария, но и в ходе монтажа множество эпизодов. Всего за две недели до выхода фильма на экран я вырезал из него отснятого материала на пятнадцать минут экранного времени. В сценах праздника и бала я хотел бы показать больше пота и секса. Я вырезал также великолепную сцену с Суварином (его играет Лоран Терзиефф). Но ритм истории удалось передать отлично.

Вопрос. Встреча Рено-Лантье и Берри — это легенда или реальность?

Ответ. О Рено и «Жерминале» говорят Бог знает что. Но все обстоит очень просто: без него фильм для меня был бы невыносим. Наша встреча состоялась задолго до возникновения замысла, это произошло в Бобино в 1980 году. Я был им просто потрясен. Он обладает невероятной харизмой. Это исключительный человек, с которого можно брать пример. Честно говоря, я не верю, что ему могла бы прийти в голову дурная мысль. В глубине души он бунтарь. Тогда я не знал, что он внук шахтера. Однако инстинкт подсказывал мне, что в один прекрасный день он должен стать актером. Я никогда не относился серьезно к возможности пригласить на эту роль кого-либо другого, не его. После длительных колебаний он сказал «да». Я не знаю, будет ли он и даль-

ше продолжать сниматься в кино. Но я охотно снял бы фильм, например, «Франсуа Вийон», с ним в главной роли...

Вопрос. А другие актеры?

Ответ. Депардьё, который всегда в курсе всего, что происходит в Париже, по секрету от меня прочитал рукопись сценария и однажды в самолете обратился ко мне: «Слушай, Клод, а ведь это отличная роль — Маэл!» И ко мне пришел его агент. Так же обстояло дело и с Миу-Миу, которая тоже захотела сыграть в фильме. На роль Шавалья я пригласил 120-килограммового Жана-Рожэ Мило. В тот момент он вылезал из своего крошечного автомобильчика. «Я заставил его похудеть на 35 килограммов. Я чувствовал, что он будет превосходить в этой роли. Он просто скрипка Страдивари. Подбирая исполнителей для всех ролей, я стремился видеть в каждом прежде всего человека, а не актера. Таким же образом я сформировал прямо на месте «команду» шахтеров для массовых сцен.

Вопрос. Считаете ли вы «Жерминаль» политическим фильмом?

Ответ. Да, в том смысле, что для Золя сто лет назад это был крик возмущения. Сегодня я повторяю этот крик средствами кино. Такова была моя честолюбивая цель. Хотя нынешнее состояние общества совершенно иное, чем то, на фоне которого создавался роман, я считаю, что «Жерми-

наль» и сегодня продолжает давать пищу для размышлений и несет в себе надежду. Когда я вместе с Рено во время праздника «Юманите» оказался у стенда департамента Нор и Паде-Кале, нам устроили овацию. И поверьте, что, говоря это, я вовсе не хочу разыгрывать из себя активиста компартии и учить кого-то. Люди всегда обходились без моего мнения, и нет причин, чтобы это почему-либо изменилось. Даже если в данный момент я чувствую себя ближе всего к коммунистам, чем к какой-либо другой партии. Мой отец был среди сочувствующих им. Я же по собственной воле ни разу в жизни не участвовал ни в каких голосованиях. Однако сегодня я считаю, что нашему обществу не следовало бы отвергать эту ценность только потому, что Советский Союз развалился.

Понятно, почему этот фильм потрясает и волнует меня в большей степени, чем какой-либо другой. Я похож на всех шахтерских сыновей, чьи отцы мечтали о том, чтобы их отпрыск когда-нибудь стал директором шахты... Существуют вещи, которые дремлют в тебе и в один прекрасный день пробуждаются. Я не могу ничего сделать с тем, что деньги и кино тесно связаны друг с другом, и я остаюсь прежде всего сыном своего отца. Моим ответом на вопрос относительно моей политической ангажированности и моей искренности является «Жерминаль»: я весь в этом фильме, и это — все.